

„Московскіе цари и византійскіе василевсы“ соч. В. Саввы.

Рецензія проф. Будинскаго, составленная по порученію ист.-филол. факультета.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Цѣль его работы—принести сильную лепту для разрѣшенія сложнаго и обширнаго вопроса о вліяніи Византіи на Русь. Задача его—уяснить одинъ небольшой, но имѣющій свое значеніе, отдѣлъ въ указанномъ вопросѣ: *предполагаемое* вліяніе Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей“. Но содержаніе настоящей книги далеко не соотвѣтствуетъ упомянутой задачѣ. Автору, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы прямо сказать: задача его работы доказать, что *господствующее* въ нашей исторической литературѣ мнѣніе о вліяніи Византіи на образованіе идеи власти московскихъ государей—неосновательно.

Предпріятіе слишкомъ смѣлое! Какъ же г. Савва выполнилъ свою задачу?

Не говоря ни слова о вліяніи Византіи на религ., государ. и общественную жизнь русскаго народа въ предшествующіе вѣка, авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе прямо со второй половины 15 в., какъ будто бы между эпохою Ивана III и протекшими временами не было никакой связи въ дѣлѣ образованія на Руси идеи царской власти.

Въ первой главѣ—„Роль Софіи Палеологъ, какъ проводника византійскаго вліянія въ Кремлѣ“ авторъ приводитъ взгляды на значеніе брака Ивана Васильевича съ Софьей Палеологъ нашихъ историковъ—Щербатова, Карамзина, Полевого, Соловьева, Костомарова, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Забѣлина, Вешникова, Иконникова, Терновскаго, Дьяконова, Успенскаго и о. Пирлинга.

Каждому читателю, познакомившемуся съ этими взглядами, ясно, что даже самые знаменитые изъ нашихъ историковъ, слишкомъ много поработавшихъ по Русской Исторіи, какъ Соловьевъ, Забѣлинъ, Костомаровъ, Иловайскій, Бестужевъ-Рюминъ и Иконниковъ, согласно утверждаютъ, что бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ имѣлъ разнообразныя и важныя послѣдствія для московскаго государства. Мы приведемъ здѣсь мнѣнія по этому предмету С. М. Соловьева не по книгѣ г. Саввы, а такъ какъ излагаетъ оное самъ Соловьевъ въ 5 т. своей Исторіи Россіи. Бракъ Ивана III съ Софіей Палеологъ, говоритъ покойный историкъ, имѣлъ важныя слѣдствія. „До сихъ поръ главною заботою московскихъ князей было собираніе Русской земли, примыслы и прибитки... Мы видѣли (4-й т.), какъ всѣ отношенія духовенства, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утвержденію въ

Искать хрипкаго самодержавія: въ половинѣ XV в. все уже было при-
нуждено къ тому, чтобы новое государство приняло именно эту фор-
му во отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторые преданія,
обычаи, приемы, отъ которыхъ и нужно было освободиться.... Для успѣш-
наго достиженія цѣли нужна была помощь преданій имперіи: эти-
мъ преданія и были принесены въ Москву Софіей Палеологъ. Современ-
ники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ Императора
Византии, явился грознымъ государемъ на московскомъ велико-княжескомъ
престолѣ: онъ первый получилъ названіе грознаго, п. ч. явился для князей
и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и
строга карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой
власти, предъ которой бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина
не смѣли были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ
царей; по первому мановенію Грознаго Іоанна головы крамольныхъ
князей и бояръ лежали на плахѣ. *Современники и ближайшіе потомки
приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого
основанія отвергать ихъ свидѣтельства*. Такимъ образомъ мнѣніе свое о
значеніи Софіи и значеніи ея брака съ московскимъ государемъ Соловьевъ
высказываетъ ясно и положительно; по существу почти всѣ наши исто-
рики говорятъ то же самое.

Намъ кажется въ высшей степени страннымъ, что авторъ разби-
рательной нами книги, приводя взглядъ о влияніи брака Ивана III съ
Софіей Палеологъ даже такого историка, какъ кн. Щербатовъ, въ то же
время игнорируетъ мнѣніе по тому же предмету профессоровъ Дьяко-
нова и Ключевского; вѣдь взгляды этихъ историковъ и особенно столь
авторитетнаго пр. Ключевского не могутъ не заслуживать вниманія со
стороны молодого ученаго. Но мы считаемъ нужнымъ привести эти мнѣ-
нія. Въ концѣ 1472 г., пишетъ пр. Дьяконовъ въ своей магист. дис-
сертациі— „Власть москов. государей“,—состоялся бракъ великаго князя
съ Зоей Палеологъ, дочерью Морійскаго деспота и племянницей по-
слѣдняго греческаго царя. Слѣдствіемъ этого брака были, какъ извѣстно,
существенныя измѣненія въ обиходѣ придворной жизни, возвысившія
значеніе московскаго князя въ глазахъ населенія. Гордая визан. прин-
цесса съ неудовольствіемъ смотрѣла на незатѣйливый этикетъ москов-
скаго двора и сильно хлопотала объ увеличеніи пышности придворнаго
престолѣ. Около этого времени возникаетъ въ Москвѣ цѣлый штатъ
придворныхъ должностей. Царица Софія съ неудовольствіемъ въ тече-
ніе семи лѣтъ сносила позоръ татарскаго ига. Она, по свид. Гербер-
штейна, очень досадовала на это, ежедневно упрекала своего мужа, что
онъ вышелъ замужъ за раба татаръ, и старалась смягчить унижительные

обряды въ отношеніи татаръ. По ея настоянію великій князь рѣшился и на окончательное сверженіе ига. Въ этомъ стремленіи царицы Софіи сошлись съ давнишними чаяніями русскихъ князей и съ политическими взглядами представителей русской публицистики (стр. 65). А вотъ и взглядъ Ключевского. „Вмѣстѣ съ расширеніемъ пространства дѣйствія московскій царь началъ усвоить своей власти и болѣе высокое значеніе, чему много помогъ бракъ Іоанна съ племянницей послѣдняго византійскаго императора Соф. Палеолога. Въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ съ этого времени является новый титулъ моск. государя, въ которомъ отразился его взглядъ на свою власть и свое значеніе. Въ этомъ титулѣ (царь) выразились двѣ основныя политическія идеи, усвоенныя моск. государемъ: мысль о московскомъ государѣ, какъ о національномъ властителѣ всей Русской земли, и мысль о немъ, какъ о политическомъ и церковномъ преемникѣ византійскихъ императоровъ.... Почувствовавъ себя и по политическому могуществу, и по православному христіанству преемникомъ павшихъ византійскихъ императоровъ, московскій государь нашелъ и наглядное выраженіе своей династической связи съ ними: съ конца XV в. на его печатяхъ появляется византійскій гербъ—двуглавый орелъ“.

Но ни свидѣтельство лицъ близкихъ къ эпохѣ, ни мнѣнія столькихъ авторитетовъ не убѣждаютъ г. Савву: онъ отрицательно относится къ вліянію Софіи на мужа, къ появленію при моск. дворѣ пышнаго этикета, новыхъ чиновъ и должностей, благодаря этому вліянію, не придаетъ значенія браку Івана III съ виз. принцессой относительно византійскаго вліянія на укрѣпленіе идеи царской власти московскихъ государей. Почему же? Можетъ быть, автору попались новыя историческія данныя, которыя вполнѣ подрываютъ свидѣтельства Герберштейна, Берсена и Курбскаго и упомянутыя мнѣнія историковъ? На эти вопросы можно отвѣтить только отрицательно: авторъ въ своей полемикѣ на 40 страницахъ довольствуется одними соображеніями, сопоставленіями и разсужденіями, нисколько не убѣдительными и ничего не доказывающими, а ссылки на Контарини и Кодина совсѣмъ не основательны. Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ, чтобы видѣть, къ какимъ софистическимъ приемамъ прибѣгаетъ г. Савва съ цѣлью что-нибудь опровергнуть. Напр. Герберштейнъ, Татищевъ и Густынская лѣтопись свидѣтельствуютъ о вліяніи Софіи на Івана III въ дѣлѣ сверженія татарскаго ига. На стр. 28 авторъ говоритъ: „У Татищева находится *неизвѣстно* (?) откуда почерпнутое имъ извѣстіе, будто, когда Іванъ III сообщилъ своимъ матери, дядѣ, князьямъ и боярамъ о требованіи отъ него покорности и дани ханомъ Ахматомъ, многіе посовѣтовали ему

читать хана дарами, Софья же съ плачемъ стала убѣждать своего супруга свергнуть постыдное татарское иго". „Князь великій, читаемъ у Татищева, весьма удивился совѣту ея". Это извѣстіе, по мнѣнію автора, вѣрно, п. ч. Иванъ не могъ быть удивленнымъ совѣтомъ Софіи, такъ какъ, по свидѣтельству Герберштейна, Софія давно тяготилась отношеніями своего супруга къ золотой ордѣ и явно роптала на нихъ. Но Савва въ то же время и не вѣритъ свидѣтельству Герберштейна, что Софія еще прежде нашествія Ахмата побуждала своего супруга избавиться отъ татарскаго ига, ежедневно упрекая его за данническія отношенія. „Очевидно, пишетъ авторъ (стр. 31, 55), Софія никогда до этого времени не убѣждала своего супруга прекратить данническія отношенія къ Золотой ордѣ, въ противномъ случаѣ Иванъ (какъ свид. Татищевъ) не удивился бы ея совѣту". Это одинъ курьезъ, а вотъ и другой. „Еслибы Софія, пишетъ г. Савва, сильно желала сверженія татарскаго ига, какъ это можно заключить изъ рѣчи ея къ Ивану III, сообщаемой Татищевымъ, то она не стремилась бы подалѣе отъ Москвы, но находилась бы въ ней, чтобы поддержать въ супругѣ навѣянную ея рѣчью рѣшимостьступить въ борьбу съ Ахматомъ". Но откуда же извѣстно, что Софія стремилась уйти изъ Москвы, когда мы знаемъ, что самъ Иванъ въ моментъ нашествія Ахмата услалъ ее съ своею казною на сѣверъ. Очевидно, г. Савва только тогда повѣрилъ бы сильному желанію Софіи избавиться отъ татарскаго ига, еслибы она съ мечемъ въ рукахъ отправилась бы на Угру, но этого нельзя требовать отъ нея, когда самъ Великій князь туда пришелъ, увидѣлъ и убѣжалъ.

На стр. 23 авторъ приводитъ мнѣніе о. Пирлинга о вліяніи Софіи на своего супруга, которое выразилось въ томъ, что „при патриархальномъ, почти грубомъ московскомъ дворѣ, появился пышный этикетъ, издали напоминающій византійскій, устраиваются новыя должности, подчиненныя строгой іерархіи; принужденіе замѣняетъ прежнюю свободу, государь становится менѣе доступнымъ, замкнутымъ въ своемъ величіи". Такое заключеніе о. Пирлинга, замѣчаетъ Савва, не оправдывается свидѣтельствомъ венец. посла Контарини, отправленнаго въ Персію, который былъ въ Москвѣ въ 1476 г. и имѣлъ нѣсколько аудіенцій при московскомъ дворѣ. Ссылка въ данномъ случаѣ на Контарини должна произвести впечатлѣніе въ пользу автора, но только потому, что послѣдній скрылъ при этомъ самое главное: Иванъ III принималъ въ лицѣ Контарини не посла, а только частнаго человѣка, случайно попавшаго въ Москву, котораго московскіе купцы выкупили у татарскаго хана изъ плѣна и, значитъ, ни въ какомъ случаѣ Иванъ III не могъ удостоить Контарини торжественнаго приема.

Относительно появленія новыхъ чиновъ г. Савва пишетъ: „Приписывая вліянію Софіи появленіе пышности и обрядовъ при дворѣ Ивана III, естественно было этому же вліянію приписать появленіе новыхъ чиновъ, что, какъ мы видѣли, нѣкоторые изслѣдователи послѣ Карамзина и дѣлали. Но такое заключеніе нуждается въ доказательствахъ“. Но самъ авторъ и не доказываетъ и не опровергаетъ категорически, а говоритъ только: „врядъ ли для объясненія появленія при дворѣ Ивана III чиновъ—казначей, постельничаго, ясельничаго и конюшаго необходимо имѣть въ виду византійское вліяніе“. При этомъ авторъ знакомитъ насъ съ табелью о рангахъ византійскаго двора по Кодину. Но что этотъ документъ доказываетъ? Вѣдь никто изъ историковъ и не говоритъ, что Софія принесла съ собою византійскую табель о рангахъ и что Иванъ III копировалъ ее. И современники и историки замѣчаютъ только о появленіи при дворѣ Ивана новыхъ чиновъ и указываютъ на связь оныхъ съ женитьбою этого государя на византійской принцессѣ. Значить, чтобъ опровергнуть эту связь, нужно прежде всего сравнить чины и должности при Иванѣ III въ первую половину его княженія съ чинами и должностями во второй половинѣ. Но авторъ этого не дѣлаетъ. Затѣмъ, что же показываетъ табель Кодина? Она содержитъ, говоритъ Савва, названія болѣе 70 чиновъ; *нѣкоторые* изъ этихъ ко времени Кодина не несли никакихъ обязанностей“. Выраженіе „нѣкоторые“ совершенно не точно: на самомъ дѣлѣ 23 чина, почти треть, не несли обязанностей, и значить, Ивану не было никакой надобности вводить эти чины и при своемъ дворѣ. Затѣмъ семь чиновъ несли службу во флотѣ, но вѣдь въ Россіи тогда совсѣмъ не было флота; нельзя также искать при дворѣ Ивана такихъ чиновъ, какъ Великій Конто-ставль—начальникъ франковъ, Аколужъ—начальникъ варяговъ, Логаріастъ—казначей наемныхъ войскъ, какъ предсѣдатель Влахернскаго дворца. Далѣе четыре чина несли церемон. обязанности, но въ Москвѣ эти обязанности возлагались на окольничихъ и т. д.

На стр. 41 авторъ задается вопросомъ—могла ли вообще Софія быть проводникомъ византійскихъ идей? Прямого отвѣта она не даетъ, но замѣтимъ, что склоняется скорѣе къ отрицательному отвѣту. Въ одномъ мѣстѣ Савва говоритъ, что Софія не была свидѣтелемъ блеска и величія византійской имперіи,—въ другомъ, что жизнь ея въ Римѣ врядъ ли располагала ее къ развитію въ себѣ какихъ либо гордыхъ помысловъ. (44 стр.) Все это только предположенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ ослабить ни мнѣнія историковъ, ни свидѣтельствъ источниковъ. Софія несомнѣнно была образованной женщиной, никогда не забывала и всегда чувствовала высоту своего про-

исхожденія. „Въ Троицѣ-Сергіевомъ монастырѣ хранится шитая золотая пелена собственнаго рукодѣлія Софіи; она была вышита въ 1498 г.“ Упомянувъ объ этомъ издѣліи, проф. Ключевскій замѣчаетъ: „Въ 26 лѣтъ замужества Софѣя, кажется, пора было забыть про свое дѣвичество,—однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя царевной цареградской, а не великой княгиней московской“.

Г. Савва, приводя извѣстную бесѣду Берсеня съ Максимомъ Грекомъ, пишетъ: „Изъ словъ Берсеня вытекаетъ, что вліяніе Софіи Палеологъ проявилось не на супругѣ ея, но на сынѣ“ (стр. 36). Но вѣдь Берсень прямо говоритъ: „Какъ пришла сюды мати В. князя В. кн. Софія съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалась и пришли нестроенія великіе....“

Чтобы закончить разборъ этой первой главы, я еще приведу одно мѣсто для характеристики полемическихъ приемовъ г. Саввы. На стр. 35 читаемъ: „Никто изъ русскихъ историковъ не отрицаетъ государя Ивана III, его умѣнья продолжать съ успѣхомъ дѣла своихъ предшественниковъ, но, если рѣчь пойдетъ о вліяніи Софіи на супруга ея, вліяніе это изображается столь сильнымъ, что на долю личной инициативы Ивана остается очень небольшое; *оказывается, что все, что дѣлалось Иваномъ III послѣ брака съ Софіей, дѣлалось подъ ея вліяніемъ и было результатомъ этого вліянія....*“ На самомъ дѣлѣ, какъ всѣмъ извѣстно, никто изъ историковъ такъ не думаетъ, и авторъ просто навязываетъ имъ такое крайнее мнѣніе.

Вообще даже изъ разбора первой главы книги „Моск. цари и виз. василевсы“ я пришелъ къ убѣжденію, что на автора ея не всегда можно положиться.

Во второй главѣ „Пространство и характеръ власти византійскаго императора“ авторъ передаетъ разные взгляды на характеръ отношеній византійскаго императора къ церкви. „Отношенія эти, заключаетъ Савва, неодинаково понимаются русскими и западно-европ. изслѣдователями исторіи греко-восточной церкви“. Но приводитъ мнѣнія объ этомъ предметѣ только русскихъ изслѣдователей—профессоровъ Курганова, Лебедева и Остроумова, изложенныя на одной страницѣ. Не знаю почему, но авторъ въ данномъ случаѣ совершенно игнорируетъ изслѣдованіе по тому же предмету Скабалановича. („Виз. государство и церковь въ XI в.“). Затѣмъ на 16 страницахъ сообщаются „тѣ случаи, когда императоры византійскіе усвоили себѣ и имъ усвоилось такое положеніе въ церкви, какого моск. государи никогда не занимали“. Но чтобы читатель могъ сдѣлать сравненіе, авторъ не приводитъ параллельно такихъ же случаевъ для характеристики отношенія къ церкви московскихъ

государей. Далѣе на 12 страницахъ идетъ описаніе выходовъ императоровъ въ праздничные дни въ храмъ св. Софіи и при этомъ въ примѣчаніи авторъ заявляетъ, что этотъ очеркъ составленъ по изложенію проф. Бѣляева. На самомъ же дѣлѣ эти 12 страницъ буквально списаны у Бѣляева съ опущеніемъ объясненій этого изслѣдователя и перемѣняя только въ словахъ множественное число на единственное т. е. Бѣляевъ описываетъ выходъ царей, а г. Савва выходъ императора. Тутъ же для сравненія слѣдовало описать выходы москов. царей въ Успенскій Соборъ, но этого нѣтъ, а авторъ голословно замѣчаетъ: „Съ такими выходами византійскихъ императоровъ въ храмъ св. Софіи не имѣютъ ни малѣйшаго сходства богом. выходы въ храмъ моск. государей“ и при этомъ ссылка на „Дом. бытъ р. царей“ Забѣлина. Что же мы читаемъ у послѣдняго? „Благочестивые московскіе цари, говоритъ Заб., подобно императорамъ византійскимъ и, безъ сомнѣнія, въ подраженіе имъ, совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ, присутствовали при всѣхъ обрядахъ и торжествахъ, отправляемыхъ Церковью въ теченіе года. Эти выходы придавали церк. празднествамъ еще болѣе блеска и торжественности. Государь являлся народу въ неслышанномъ великолѣпіи, которое засвидѣльствовано даже всѣми иностранцами, видѣвшими подобныя выходы“.

Если авторъ думаетъ, что вообще въ церковно-гражданскихъ обрядахъ наглядно выражается идея власти виз. императоровъ и идея власти москов. царей и что по этимъ обрядамъ мы можемъ составить себѣ понятія о власти тѣхъ и другихъ, то чинъ вѣнчанія на царство долженъ имѣть въ этомъ отношеніи, какъ матеріалъ, преимущественное значеніе предъ всѣми другими обрядами. Этому предмету авторъ посвящаетъ четвертую главу своего изслѣдованія. Мнѣ кажется, что она является главною частью работы г. Саввы, такъ сказать, гвоздемъ его книги, особенно если имѣть въ виду ту мысль, которую авторъ проводитъ въ своемъ сочиненіи.

Познакомившись ближе съ этою главою, я пришелъ къ убѣжденію, что г. Савва взялся за дѣло съ слишкомъ малою къ тому подготовкою. Тутъ, что ни шагъ—вызываетъ вопросъ, что ни положеніе—требуетъ еще доказательствъ, предварительнаго основательнаго изслѣдованія.

Прежде всего авторъ принялъ на вѣру легенду, въ сущности ни на чемъ не основанную, что будто-бы русскіе князья были столбниками визант. императоровъ (стр. 121), что по этому они и не могли быть вѣнчаны по чину вѣнчанія василевсовъ, а дошедшіе до насъ послѣ паденія Визант. имперіи чины вѣнчанія Дим. Ивановича и Ивана Грознаго произошли изъ чина Кесарской хиротоніи. Мысль г. Саввы объ

Этотъ предметъ можно формулировать такимъ образомъ: кто-то, когда-то по какому-то поводу составилъ для русскихъ князей чинъ вѣнчанія; какимъ-то образомъ оный появился на Руси и русский В. кн. Иванъ III въ 1498 г. рѣшилъ вѣнчать по этому чину своего внука Дим. И—ча. Для сравненія обряда вѣнчанія внука Ивана III съ кесарской хиротоніей авторъ приводитъ тексты вѣнчанія и хиротоніи: первый заимствованъ изъ книги Барсова (именно тотъ, который находится на стр. 32—38 Древн. Русс. Пам—овъ), а второй изъ De Cerem. Конст. Багрянороднаго. На самомъ дѣлѣ мы еще не знаемъ, по какому чину вѣнчался Д. И—чъ и есть серьезныя основанія думать, что не по этому чину было вѣнчаніе въ 1498 г. Допустимъ однако, что Барсовъ напечаталъ настоящий чинъ вѣнчанія внука Ивана III и посмотримъ въ чемъ авторъ находитъ сходство между этимъ чиномъ и кесарской хиротоніей. Сходство имъ указываемое чисто внѣшнее; г. Савва не касается внутреннего смысла того и другого актовъ, а потому и приходитъ къ заключенію совершенно невѣрному. Руководясь пріемомъ автора, можно указывать сходство чина вѣнчанія съ чиномъ посвященія дьякона въ священники, да еще съ большимъ правомъ уже по одному тому, что какъ вѣнчаніе, такъ и посвященіе въ священники обязательно происходятъ въ церкви, тогда какъ кесарская хиротонія—въ император. палатѣ. Между тѣмъ изъ такого неточнаго сопоставленія авторъ дѣлаетъ слишкомъ серьезныя заключенія. На стр. 128 онъ говоритъ: „Обрядъ импер. визант. вѣнчанія, рѣзко отличаясь не только отъ чина великокняжескаго вѣнчанія внука Ивана III, но и отъ чиновъ москов. государей, наглядно рисуетъ идею власти визант. императора“. Первый чинъ царскаго вѣнчанія, по мнѣнію автора, совершенъ надъ Иваномъ Грознымъ въ 1547 г. и указываетъ этотъ чинъ, ссылаясь на С. Гос. Гр. и Д. т. 11 стр. 41. Но достаточно бѣлаго взгляда на этотъ документъ, чтобъ утвердительно сказать, что это не чинъ вѣнчанія, а только запись о вѣнчаніи. Г. Савва совершенно голословно утверждаетъ, что чинъ вѣнчанія Грознаго есть передѣлка чина вѣнчанія Димитрія Ив—ча (157 стр.) Во первыхъ, мы не знаемъ, по какому чину вѣнчался Грозный, и потому, во вторыхъ, и не имѣемъ пока права сравнивать оный съ чиномъ вѣнчанія виз. императоровъ. Но въ то же время есть историческія данныя, чтобъ разрѣшить вопросъ о вѣнчаніи Ивана Васильевича, но авторъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Мнѣ кажется, что еслибъ г. Савва повнимательнѣе познакомился съ нѣкоторыми дошедшими до насъ чинами вѣнчанія русскихъ государей и въ то же время воспользовался нѣкоторымъ другимъ историческимъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ этому предмету, то онъ сталъ бы въ своемъ изслѣдованіи на настоящую дорогу. Рав-

нымъ образомъ, говоря о чинахъ вѣнчанія на Руси, нельзя не коснуться вѣнчаній на царство въ Болгаріи и Сербіи, особенно, когда намъ извѣстно о происхожденіи нашихъ богослужебныхъ книгъ. Вообще же нельзя не замѣтить, что какъ въ описаніи богомольныхъ выходовъ визант. императоровъ, такъ и въ описаніи ихъ коронацій авторъ все вниманіе обращаетъ на внѣшнюю сторону актовъ, не касаясь ихъ внутренняго смысла, а потому и дѣлаетъ изъ такого матеріала заключенія противныя тѣмъ, которыя слѣдовало бы сдѣлать.

Иное впечатлѣніе производитъ вторая половина книги г. Саввы, именно главы VI и VII, въ которыхъ трактуются о московскомъ посольскомъ обрядѣ и доказательствахъ, представлявшихъ моск. государями въ пользу правъ ихъ на царскій титулъ. Авторъ и тутъ остается вѣрнымъ своей тенденціи, т. е. не признаетъ никакого вліянія Византіи и на образованіе москов. посольскаго обряда, но приводимыя имъ доказательства мало убѣдительны. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ доказать сопоставленіе обряда приѣма византійскими императорами иноземныхъ пословъ по De Cer. a. Byz. въ половинѣ X в. съ москов. посольскимъ обрядомъ, практиковавшимся во второй половинѣ XV в. и послѣ? Вѣдь за пять вѣковъ много воды утечетъ. Иное дѣло, еслибъ автору удалось найти посольскій обрядъ Византіи отъ 15 или по крайней мѣрѣ отъ 14 в. Тогда сопоставленіе было бы дѣломъ возможнымъ.

Въ VI гл. г. Савва приходитъ къ заключенію, что „основныя черты москов. посольскаго обряда были такія же, какъ и на западѣ Европы“ (стр. 270). Но авторъ нигдѣ не указываетъ, какой же посольскій обрядъ практиковался въ западно-европ. государствахъ. Для иллюстраціи своей мысли ему слѣдовало бы привести какой-нибудь конкретный случай приѣма, напр. во Франціи посла отъ св. Рим. Имперіи.

Тѣмъ не менѣе не смотря на упомянутыя недостатки въ этихъ главахъ, послѣднія изложены довольно обстоятельно и особенно послѣдняя глава, гдѣ авторъ является господиномъ своего дѣла.

Въ заключеніе своей рецензіи считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее. Авторъ книги „Москов. цари и византійскіе василевсы“ поставилъ себѣ слишкомъ обширную задачу и не могъ выполнить ее какъ слѣдуетъ, во первыхъ потому, что для облегченія такой работы нѣтъ еще предварительныхъ серьезныхъ изслѣдованій въ нашей историч. литературѣ по нѣкоторымъ вопросамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ его задачѣ; а во вторыхъ авторъ, вѣроятно по неопытности, слишкомъ много обращалъ вниманіе на увеличеніе ссылокъ въ своей книгѣ на такіе источники, какъ De Ceremoniis Констант. Багрянороднаго, на глоссарій Дюканжа, комментарий Рейске. Забота объ этомъ отвняла у

г. Саввы несомнѣнно слишкомъ много времени, а между тѣмъ экскурсіи въ упомянутые источники были предприняты по большей части безъ всякой надобности, п. ч. почти всѣ эти ссылки уже сдѣланы проф. Бѣлевымъ въ его прекрасномъ трудѣ „Byzantina“ и прекрасно имъ использованы. Если г. Савва сдѣлалъ въ своемъ трудѣ до 130 ссылокъ на Byzantina, то, еслибъ прибавилъ еще сотню ссылокъ на то же сочиненіе, ему никто не поставилъ бы этого въ вину. Зачѣмъ искать то, что уже найдено.

Тѣмъ не менѣе г. Савва много потрудился надъ своей книгой, обнаружилъ въ ней большую начитанность, способности, прилежаніе и любовь къ дѣлу—а это самое главное—и потому я увѣренъ, что русская историческая наука найдетъ въ немъ и въ будущемъ хорошаго работника.

Я считаю возможнымъ допустить разбираемое мною сочиненіе г. Саввы въ качествѣ магистерской диссертациі къ публичной защитѣ.

П. Буцинскій.

Въ историко-филологическій факультетъ.

Профессора Шепелевича

РАПОРТЪ.

На соисканіе медали за сочиненіе на тему, предложенную факультетомъ въ 1901 г. „Переводы стихотвореній Гете на русскій языкъ“, поступила работа подъ девизомъ: „Non semper aiunt enitendum ut omnia omnino verba in eum, in quem dicta sunt, modum vertamus (Gellius)“. Разсматриваемое сочиненіе, обширное по объему (282 с.), состоитъ изъ введенія (о переводахъ стихотвореній Гете на русск. яз. и Вліяніе Гете и идей періода *бури и натиска* на русскую литературу) и 16 главъ, посвященныхъ разбору и сравнительной оцѣнкѣ переводовъ стихотвореній Гете на русск. яз. Основныя особенности разсмотрѣннаго мною сочиненія состоятъ, на мой взглядъ въ слѣдующемъ:

1) Введеніе представляетъ вѣрную и правильную характеристику тѣхъ явленій, которыми интересуется авторъ. Литература вопроса обслѣдована съ достаточной полнотой, а изложеніе отличается ясностью. Авторъ занимался не только въ харьковскихъ, но и въ московскихъ книгохранилищахъ.

2) Специальная часть работы: оцѣнка сравнительнаго достоинства переводовъ стихотвореній Гете выполнена съ большимъ трудолюбіемъ,